

О САМОУБИЙСТВѢ 1).

Отъ самоубійства ежегодно погибаетъ въ Европѣ 50,000 человѣкъ. Если-бы все эти люди собрались въ одно мѣсто и поразили бы себя въ одинъ и тотъ же часъ, весь міръ былъ бы потрясенъ ужасомъ и негодованіемъ. Цифра эта ежегодно возрастаетъ съ постепенностію, внушающей тяжелой опасенія. Юные и даже малолѣтніе, едва вступивъ въ жизнь, находятъ ее уже слишкомъ тяжелой и спѣшатъ освободиться отъ ея бремени. Это показываетъ, что общественный организмъ, къ которому мы принадлежимъ, отравленъ какимъ то ядовитымъ началомъ. Вполнѣ умѣстно поэтому обратить вниманіе на эту зіяющую рану человѣчества.

Настоящее чтеніе посвящается выясненію четырехъ вопросовъ—1) о преступности самоубійства, 2) о вѣроятности самоубійства, 3) о причинахъ самоубійства и, наконецъ, о мѣрахъ противъ самоубійства.

I.

Итакъ, прежде всего мы подвергнемъ самоубійство нравственной оцѣнкѣ. Преступно ли оно, или же каждый въ правѣ покинуть жизнь, когда ему угодно? Если взять человѣчество въ его цѣломъ и не принимать во вниманіе исключеній, оно всегда порицало самоубійство, какъ преступленіе. Разница только въ томъ, что языческая древность огосилась къ нему снисходительнѣе, а христіанство строже.

Нравственная оцѣнка явленій основывается на чувствѣ народовъ, инстинктивно осуждающемъ одни явленія и оправдывающемъ другія. Моралисты только ясно формули-

1) Публичная лекція, прочтенная въ Москвѣ, въ залѣ Синодальнаго училища 5-го марта 1898 г.

рують голосъ народной совѣсти и дають ему то или иное обоснованіе.

Ужась, который внушаетъ самоубійство простому и свѣ-жему нравственному чувству, выражается прежде всего въ суевѣрныхъ представленіяхъ, которыми народная фантазія окружаетъ актъ самоубійства и несчастныя могилы погибшихъ отъ него. Актъ самоубійства кажется настолько неестественнымъ, что считается какимъ то насиліемъ со стороны злыхъ духовъ. Мѣста, забрызганные кровью самоубійцы, внушаютъ ужась и отвращеніе, пугливо настраиваютъ воображеніе, создаютъ призраки, которые ложатся въ основу увѣренности, что души ушедшихъ отъ жизни преждевременно долгое время не могутъ оторваться отъ земли и бродятъ вокругъ своихъ могилъ въ видѣ страшныхъ или жалкихъ привидѣній. Эти суевѣрія, какъ показываютъ сочиненія классическихъ писателей, были широко распространены уже въ до-христіанской древности.

Далѣе, отвращеніе массъ въ самоубійству выражалось въ отношеніи къ ихъ трупамъ. Греки и римляне вполне или отчасти лишали ихъ погребенія. Въ Аѳинахъ у трупа самоубійцы отрубали правую руку—виновницу преступленія. На островѣ Кипрѣ самоубійцы совсѣмъ оставляли безъ погребенія. Тамъ, гдѣ господствовалъ обычай сожженія труповъ, ихъ считали недостойными костра, боясь осквернить самый всеочищающій огонь ¹⁾. Въ подобныхъ фактахъ выражалось безотчетное осужденіе самоубійства, съ которымъ къ нему относилось здоровое чувство массъ. Философы представляютъ собою сознание народа. Въ ихъ теоріяхъ безотчетныя чувства народа получаютъ осязательныя формы отчетливо высказанной мысли.

Въ чемъ же полагали преступность самоубійства моралисты древности? Ими было высказано противъ самоубійства три основанія.

Первое основаніе покоилось на религіозномъ чувствѣ. Религіозное чувство грека возмущалось противъ всякаго вмѣшательства человѣческаго искусства въ область природы, теченіе которой предопредѣлено богами. Завоеваніе стихій и ихъ принудительная работа на пользу чело-

1) *Schmidt*, Die Ethik der alten Griechen B. II. S. 104.

вѣка, искусственное увеличеніе ихъ производительности — все это казалось почти преступленіемъ. Ксерксъ, вооруженный могучей техникой Финикіянь, построилъ пловучій мостъ чрезъ Геллеспонтъ и прорылъ перешеекъ, отдѣляющій Аѳонъ отъ материка. Всѣ греческіе авторы рассказываютъ объ этомъ событіи тономъ глубокаго порицанія. Провести сухопутную дорогу чрезъ море и водный путь чрезъ сушу значить святотатственно присвоить себѣ божественное право распредѣленія суши и морей. На этомъ же основаніи Платонъ и Аристотель порицаютъ тѣхъ, которые стараются продлить дни своей жизни заботливою діетой и врачебными средствами ¹⁾. Если искусственное продолженіе жизни казалось посягательствомъ на власть боговъ, распредѣляющихъ жребіи, то тѣмъ болѣе должно было отталкивать самоубійство. Философы облекли это религіозное чувство въ богословскую теорію. Такъ пифагорейцы ясно и опредѣленно высказались противъ самоубійства. Человѣкъ принадлежитъ Богу. Онъ такъ же не въ правѣ самовольно оставлять жизнь, какъ рабъ не въ правѣ бѣжать отъ своего господина. Богъ заключаетъ грѣшную душу въ тѣло, какъ въ темницу. Попытка бѣжать изъ тюрьмы ухудшаетъ положеніе. Душа самоубійцы снова воплотится, но въ наказаніе за побѣгъ ниспосылается въ низшіе организмы и получаетъ въ удѣлъ удвоенныя страданія ²⁾.

Второе основаніе, высказанное древними противъ самоубійства, исходитъ изъ чисто государственныхъ соображеній. Ученики Аристотеля утверждали, что самоубійца нарушаетъ интересы общества, самовольно уклоняясь отъ его обязанностей. Это воззрѣніе отразилось и на законодательствѣ. Въ Аѳинахъ каждый, считающій свое положеніе слишкомъ тяжелымъ, обращался въ сенатъ, излагалъ свои основанія и просилъ позволенія покинуть жизнь. Сенатъ разсматривалъ просьбу и, если считалъ ее достаточно мотивированной, давалъ свое разрѣшеніе. Законъ этотъ существовалъ и въ греческихъ колоніяхъ. Въ Марсели дѣлами

¹⁾ *Shmidt. Ibid. S. 441—442.*

²⁾ *Shmidt. Ibid. S. 445.* Въ томъ же духѣ высказывается Платонъ въ своемъ Федрѣ, и Ливаній говоритъ, что только чтеніе этого сочиненія удержало его отъ самоубійства послѣ потери друга—имп. Юліана.

подобнаго рода завѣдывалъ совѣтъ 600-тъ. Если онъ находилъ основанія, изложенныя въ просьбѣ, достаточными, то вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ самоубійства отпускалъ и необходимое количество яда ¹⁾).

Третье основаніе противъ самоубійства въ древности вытекало изъ понятія о достоинствѣ человѣка. Такъ Аристотель порицаетъ самоубійство, вида въ немъ недостатокъ мужества, трусость, боязливо скрывающуюся отъ страданій. Въ древности доказать, что извѣстный поступокъ вытекаетъ изъ слабости духа, значило доказать его безнравственность, потому что въ то время самую добродѣтель понимали, какъ мужество. Непреклонность характера, гордое презрѣніе къ опасностямъ, власть надъ собственными чувствами, каковы бы они ни были,—вотъ идеаль, который владелъ тогда умами.

Итакъ, совѣсть языческой древности осуждала самоубійство, какъ преступленіе. Самоубійца—оскорбитель боговъ, нарушитель правъ республики, человѣкъ, лишенный мужества и достоинства—вотъ основанія, которыя приводились въ доказательство преступности самовольнаго оставленія жизни. Но эти же основанія показываютъ, что осужденіе самоубійства въ древности не было безусловнымъ. Оно допускалось въ извѣстныхъ случаяхъ и подъ извѣстными условіями.

Но теченіе исторіи, руководимое Высшею Рукою, направлялось къ тому, чтобы воспитать въ умахъ идею безусловной преступности самоубійства. Христіанство произнесло надъ нимъ свой окончательный приговоръ. Сейчасъ мы сдѣлаемъ попытку раскрыть основанія такого отношенія христіанства къ самоубійству. Такихъ основаній два. Во-первыхъ, самоубійство противорѣчитъ понятію христіанской религіозности. Во вторыхъ, оно колеблетъ главный принципъ христіанской нравственности.

Сущность христіанской религіозности состоитъ въ упованіи на благой Промыслъ и въ полной преданности волѣ Божіей. Отецъ Небесный призвалъ человѣчество быть Его сотрудникомъ въ осуществленіи великихъ плановъ—въ созиданіи Царства Божія, гдѣ „отретъ Господь всякую слезу

¹⁾ *Em Durkheim* Le suicide. Étude de sociologie. Paris 1897 p. 373-374

и будетъ обитать съ человѣкомъ, какъ въ скиніи“¹⁾, гдѣ сердца, пламенѣющія любовью къ Сыну Божію, теперь лишь съ тоскою вздыхающія: ей, гряди Господи Іисусе! Ей, гряди скоро!²⁾ воспѣютъ пѣснь новую: „аллилуія! ибо воцарился Господь Богъ Вседержитель. Возрадуемся, и возвеселимся, и воздадимъ Ему славу, ибо наступилъ бракъ Агнца, и жена Его приготовила себя“³⁾. Нѣкогда въ огненномъ столпѣ Сынъ Божій велѣ Израиля въ обѣтованную землю путемъ страданій долгаго путешествія по безводной пустынѣ. Подобно этому и теперь Сынъ Божій ведетъ все человѣчество по нашей долинѣ плача къ неизвѣстной, но высокой цѣли. Эта цѣль требуетъ, чтобы каждый изъ насъ несъ съ собою свой крестъ, и чѣмъ болѣе его отталкиваешь, тѣмъ онъ становится тяжелѣе. Нашему близорукому зрѣнію доступенъ только узкій кругозоръ, и мы не можемъ ни видѣть цѣлей, которыя скрываются за нимъ, ни понимать значенія событій, въ которыхъ мы принимаемъ участіе. Но мы довѣряемъ своему Вождю. Мы вѣримъ, что все совершающееся необходимо для осуществленія міровыхъ задачъ и что настанетъ день, когда Сынъ Божій оправдаетъ дѣла свои. Поэтому христіанинъ не смущается ни тѣмъ, что его не повимаютъ, ни тѣмъ, что онъ страдаетъ. Онъ полагаетъ всѣ свои силы на служеніе своимъ братьямъ, но они бросаютъ въ него грязью и камнями. Онъ принимаетъ это со смиреніемъ и не ослабѣваетъ въ своей дѣятельности. Онъ сѣетъ, а возраститъ его посѣвы Богъ. Неизвѣстно еще, къ какимъ результатамъ повело бы быстрое осуществленіе его благородныхъ стремленій, и не потому ли на его пути встаютъ преграды, что очевидные успѣхи его дѣятельности могли бы замедлить торжество высшихъ цѣлей. Когда вѣрующій страдаетъ, онъ убѣжденъ, что его несчастья необходимы для осуществленія непонятныхъ ему плановъ. Терпѣніе христіанина есть самопожертвованіе, которое тѣмъ цѣнише, что необходимость его служить предметомъ не знанія, а вѣры. Съ этой точки зрѣнія всякое отчаяніе и самоубійство есть отпаде-

1) Апокал. гл. 21, 3—4

2) Апокал. 22, 20—21

3) Апокал. 19, 6—7.

ніе отъ христіанства, отказъ отъ участія въ борьбѣ для осуществленія задачъ, къ которымъ призвано человѣчество. Вотъ противорѣчіе, въ которомъ стоитъ самоубійство съ понятіемъ христіанскаго благочестія.

Второе основаніе того безусловнаго осужденія, съ которымъ относится христіанство къ самоубійству, зиждется на противорѣчій его главному принципу христіанской нравственности. Христіанство, вступивъ въ міръ, утопающій въ чувственности и братоубійственной войнѣ эгоизмовъ, въ теченіи 19 вѣковъ измѣнило лицо земли. Этотъ нравственный переворотъ оно произвело своимъ отношеніемъ къ человѣческой личности. Что такое былъ человѣкъ по понятію древнихъ? Слѣное орудіе государства. Пока онъ членъ республики, онъ извѣстная величина. Въ отдѣльности онъ— нуль. Такъ смотрѣли на свободнаго. Что же думали о рабахъ? Рабъ—это одушевленный инструментъ, по опредѣленію Аристотеля. Прг опиши имущества его помѣщаютъ въ одной графѣ съ домашнимъ скотомъ. Приготовленъ ядь для тирапа. Хорошо ли онъ будетъ дѣйствовать? Если заговорщикъ богатъ, онъ призываетъ самаго сильнаго раба и дѣлаетъ на немъ опытъ. Евангеліе взяло подъ свое покровительство человѣческую личность и возвысило ее. Человѣкъ— обиталище Духа Св. Онъ искушенъ дорогою цѣною—Кровію Завѣта вѣчнаго и уничиженіемъ Сына Божія. Онъ созданъ для вѣчности и участія въ славѣ Необъятнаго. Вотъ что легло въ основу всей христіанской цивилизаціи, вотъ гдѣ источникъ всѣхъ нравственныхъ пріобрѣтеній, которыми гордятся христіанскіе народы. Личность человѣка цѣнна сама по себѣ, поэтому человѣкъ не долженъ быть выючнымъ скотомъ и орудіемъ наживы другого. Отсюда уничтоженіе рабства. Личность человѣка свята. Она не должна служить орудіемъ чувственныхъ наслажденій. Отсюда половая чистота и нравственные основы брака. Цѣль человѣка въ немъ самомъ. На него нельзя смотрѣть, какъ на простое колесо въ государственной машинѣ. Отсюда протесты противъ смертной казни и наказаній всецѣло карательныхъ. Человѣкъ—разумное существо. Пусть же у рабочаго будутъ средства и досугъ для удовлетворенія высшихъ потребностей. Отсюда мѣры правительствъ къ облегченію рабочаго класса. Итакъ, чѣмъ неприкосновеннѣе бу-

дѣтъ считаться личность человѣка въ нашемъ обществѣ, тѣмъ ненарушимѣе будутъ соблюдаться въ немъ принципы гуманности. Самоубійство противорѣчитъ христіанской нравственности, потому что оно колеблетъ въ обществѣ убѣжденіе въ неприкосновенности человѣческой жизни и указываетъ на то, что самъ самоубійца не проникнуть этимъ убѣжденіемъ.

Какимъ образомъ самоубійство можетъ колебать въ сознаніи общества принципъ неприкосновенности человѣческой жизни?

Съ точки зрѣнія общественной нравственности, самое незначительное отклоненіе отъ принятыхъ принциповъ грозитъ ей опасностью разложенія. Примѣръ заразительнъ, и массы, видя незначительныя отклоненія, легко переходятъ къ большимъ. Чтобы собственность оставалась неприкосновенной, необходимо относиться съ безусловнымъ осужденіемъ даже къ мелкимъ кражамъ, иначе уваженіе къ чужому имуществу будетъ расшатано въ обществѣ мелкимъ воровствомъ. Чтобы воспитать человѣка правдиваго, нужно безусловно запретить ложь, какъ бы ни были благовидны предлоги къ ней, въ противномъ случаѣ онъ станетъ лгать и тогда, когда ложь неизвинительна. Обратимся теперь къ принципу неприкосновенности человѣческой жизни. Убійство есть сама рѣзкая форма нарушенія этого принципа. Поэтому всякое насильственное разрушеніе человѣческой жизни, отъ чьей бы руки оно ни исходило, развращаетъ общество. Специалисты доказали, что смертная казнь, въ законности которой вполне убѣждены массы, разнуздываетъ въ народѣ кровавыя инстинкты и увеличиваетъ количество убійствъ. Это и повело къ уничтоженію публичности смертной казни, которая теперь совершается въ тюрьмѣ, а не на площади. Массы убѣждены, что смертная казнь законна и не можетъ оправдывать убійства, тѣмъ не менѣе она ведетъ къ тому, что народъ начинаетъ совершать убійство съ большою свободой. Точно также и самоубійство потрясаетъ въ обществѣ убѣжденіе, что жизнь человѣка священна и не должна терпѣть насилія ни подъ какимъ предлогомъ.

По самоубійца не только колеблетъ въ обществѣ принципъ неприкосновенности человѣческой жизни. Своимъ поступкомъ онъ доказываетъ, что и его собственное настро-

еніе не проникнуто этимъ принципомъ. Если онъ не пощадилъ въ себѣ самомъ человѣка, значить человѣческая жизнь не служитъ для него неприкосновенной святыней, и если онъ убилъ себя, то при наличности достаточныхъ побужденій не отступилъ бы и предъ убійствомъ другого. Опытъ показываетъ, что самоубійству очень часто предшествуетъ убійство. Это вполне понятно. Отношеніе человѣка къ себѣ самому и отношеніе его къ другимъ—двѣ стороны одного и того же цѣлаго. Человѣкъ, которому не за что уважать себя, обыкновенно не уважаетъ другихъ и не вѣритъ въ чистоту ихъ побужденій. Люди, строгіе къ себѣ, бываютъ обыкновенно строги и къ другимъ. Наоборотъ, кто болѣзненно чувствуетъ пятно на собственной совѣсти, тотъ охотнѣе прощаетъ и другому.

Итакъ, самоубійство колеблеть въ обществѣ принципъ неприкосновенности человѣческой жизни и само вытекаетъ изъ недостаточнаго уваженія къ этому принципу. Такимъ образомъ, убійство и самоубійство тѣсно связаны между собою. Если выводъ этотъ не совсѣмъ ошибоченъ, то между количествомъ убійствъ и самоубійствъ въ извѣстномъ обществѣ должно существовать соответствіе, т. е. въ той средѣ, гдѣ жизнь человѣка цѣнится мало, самоубійствъ должно быть больше и, наоборотъ, умноженіе самоубійствъ должно сопровождаться увеличеніемъ количества убійствъ. Факты вполне подтверждаютъ это. Среди варварскихъ и некультурныхъ народовъ жизнь человѣческая цѣнится такъ мало, что защищена отъ насилія только самымъ незначительнымъ штрафомъ. Соответственно этому самоубійство совершается здѣсь съ замѣчательною свободою и легкостью. По смерти вождя на его могилѣ добровольно убиваютъ себя его жены, кліенты и рабы¹⁾. Изъ всѣхъ государствъ древности Аенны

1) Особенность общественнаго устройства у примитивныхъ и варварскихъ народовъ состоитъ въ томъ, что человѣческой личности придаютъ здѣсь очень мало значенія. Когда въ такомъ обществѣ начинаетъ развиваться философское мышленіе, оно отражаетъ на себѣ соціальныя навъки. Въ философіи и религіи такихъ народовъ развивается обыкновенно пантеизмъ. Пантеистическія представленія служатъ метафизическимъ выраженіемъ воззрѣній народа на человѣка, его цѣнность и значеніе. Съ точки зрѣнія пантеизма ничто въ человѣкѣ не принадлежитъ ему самому. Человѣкъ это дождевой пузырь, на мгновеніе появившійся на поверхности океана, чтобы

выдѣлялись топкостью и пѣжностью чувствъ. Отсюда исходило вліяніе, смягчающее нравы. Гладіаторскіе бои—любимое зрѣлище римлянъ—не имѣли здѣсь успѣха, и тогда, когда искусственно прививались римскимъ правительствомъ. Соотвѣтственно этому самоубійство въ Аѳинахъ случалось рѣдко. Напротивъ, въ Римѣ оно было чрезвычайно распространено. Но Римъ былъ государствомъ военнымъ и мало придавалъ значенія человѣческой жизни. Безчисленныя войны, прихоть рабовладѣльца и тирана, амфигеатръ и кресты—все направлялось къ тому, чтобы сдѣлать убійство хроническимъ недугомъ вѣчнаго города ¹⁾).

исчезнуть безвозвратно и слиться въ безразличное единство съ первоосновоу міра. Душа человѣка—частица Божества, не имѣющая самостоятельнаго значенія. Человѣкъ умираетъ, и она тонетъ въ безконечномъ. Люди, проникнутые такими воззрѣніями, не могутъ относиться съ благоговѣніемъ къ человѣческой жизни и личности, и дѣйствительно, у нихъ есть сильная склонность къ массовымъ самоубійствамъ. Въ Китаѣ пользуется большою популярностью исторія 500 философовъ изъ школы Конфуція, бросившихся въ море, когда одинъ изъ императоровъ приказалъ сжечь книги ихъ учителя. Въ Китаѣ есть цѣлая религіозная секта, члены которой совершаютъ наломничество къ храмамъ, построеннымъ на высокихъ и обрывистыхъ утесахъ, и бросаются въ бездну послѣ молитвы. Японскіе фанатики наполняютъ собою барки и съ пѣніемъ гимновъ отбѣзжаютъ на глубокое мѣсто. Здѣсь они одинъ за другимъ бросаются въ воду съ камнемъ на шеѣ, или прорубаютъ дно судна и медленно погружаются въ воду все вмѣстѣ. При самой незначительной обидѣ японцы распарываютъ себѣ животъ. Поклонники Браммы въ Индіи бросаются въ священныя волны Галга или подъ желѣзныя колесницы идоловъ. Другіе въ честь бога Сивы низвергаются въ пропасти. (*A. Briere de Boismont. Du suicide et de la folie suicide. Paris. 1856. pp. 3—7*) Итакъ, павтеистическія воззрѣнія, принижаяція личность человѣка, развиваютъ склонность къ массовымъ самоубійствамъ. Полный контрастъ представляютъ народы съ монотеистической религіей. Историческіе памятники еврейскаго народа сохранили свидѣтельство не болѣе, какъ о 8—10 случаяхъ самоубійства на протяженіи 4000 л. При томъ еще нѣкоторые случаи стоятъ въ очевидной связи съ воздѣйствіями на евреевъ греко-римской культуры (*ibid. p. 7—8 Справ. М. Inhofer. Der Selbstmord. Augsburg. 1886 S. 54—62*).

¹⁾ Соотвѣтственно этому и въ настоящее время военныя гораздо болѣе склонны къ самоубійству, чѣмъ другія сословія, и это замѣчается во всехъ странахъ Европы. Преобладаніе самоубійствъ въ арміи нельзя объяснять тяжестью военной службы. Этому противорѣчатъ статистическія данныя. а) Военная служба особенно тяжела для новобранцевъ, пока они еще не привыкли къ говой обстановкѣ жизни и не усвоили основныхъ приемовъ своихъ занятій. Если бы самоубійства солдатъ обуславливались

Итакъ, съ христіанской точки зрѣнія самоубійство есть преступленіе и противъ Бога, потому что обнаруживаетъ невѣріе въ Его благой Промыслъ, и противъ человѣка,

тяжестью службы, то они чаще всего встрѣчались бы среди новобранцевъ. Статистика, напротивъ, показываетъ, что наклонность къ самоубійству, возрастаетъ по мѣрѣ продолжительности службы.

Годы службы.	Франція.		Англія.	
	На 100000 человѣкъ.			
1 — 3	27	39	39	
3 — 5	40	51	84	
5 — 7	48	71	103	
		Англія.	Индія.	

б) Недовольство службой, ея лишеніями и тягостями должно отличаться болшею силою у тѣхъ, кто отбываетъ повинность, и меньшею у добровольцевъ. Между тѣмъ въ арміи чаще убиваютъ себя именно волонтеры.

в) Трудности военной службы почти всею своею тяжестью ложатся на простыхъ солдатъ. Если бы самоубійства вызывались этой причиною, то болший процентъ ихъ падалъ бы на нижнихъ чиновъ. Напротивъ статистика показываетъ, что самоубійство чаще случается среди офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, положеніе которыхъ гораздо лучше, чѣмъ рядовыхъ. Въ Италіи на миллионъ офицеровъ въ среднемъ приходится 565 самоубійствъ въ годъ, на миллионъ простыхъ солдатъ—230, на миллионъ унтеръ-офицеровъ—1000. Въ Пруссіи миллионъ унтеръ-офицеровъ даетъ 1114 самоубійствъ, миллионъ рядовыхъ—560. (*E. Durkheim. Le Suicide. p. 147—153.*)

Истинная причина наклонности военныхъ къ самоубійству заключается въ томъ, что въ арміи отдѣльная личность цѣнится такъ же мало, какъ и въ военныхъ государствахъ древности. Молодой солдатъ тщательно воспитывается въ тѣхъ понятіяхъ, что онъ долженъ пожертвовать своею жизнію по первому требованію обстоятельствъ. Онъ проникается мыслию, что цѣли общественной обороны могутъ бросить цѣлыя полки на неизбѣжную смерть. Далѣе, солдатъ обязанъ безусловно подчиняться распоряженіямъ начальства, не входя въ обсужденіе его мотивовъ, не стараясь понять его цѣлей. Военный судъ караетъ гораздо строже, чѣмъ гражданскій и въ широкихъ размѣрахъ примѣняетъ смертную казнь. Вся совокупность этихъ условій создаетъ въ человѣкѣ настроеніе, въ силу котораго онъ не дорожитъ ни своею, ни чужою жизнію. Лучшимъ выраженіемъ этого настроенія служить дуэль, этотъ печальный пережитокъ кулачнаго права среднихъ вѣковъ, сохраняющійся главнымъ образомъ въ арміи. Эта дѣйствительная причина повышенной наклонности военныхъ къ самоубійству отлично объясняется и тѣ факты, которые были упомянуты ранѣе. Чѣмъ болше служить солдатъ въ арміи, тѣмъ прочнѣе становится въ немъ настроеніе, ко-

потому что вытекаеть изъ неуваженія къ человѣческой жизни и колеблеть въ обществѣ этотъ основной принципъ христіанской нравственности.

Переходя къ слѣдующему отдѣлу, мы ставимъ себѣ вопросы: вмѣняемо ли самоубійство? Свободенъ ли человѣкъ при его совершеніи? Способенъ ли онъ разумно взвѣсить свой поступокъ или же дѣйствуетъ подъ вліяніемъ душевной болѣзни и временнаго помѣшательства?

II.

Одинъ изъ самыхъ распространенныхъ предрасудковъ — это ходячій взглядъ на самоубійство, какъ слѣдствіе душевной болѣзни. Въ основѣ его лежитъ ложное убѣжденіе, что инстинктъ самосохраненія не можетъ угасать у психически - здороваго человѣка. Происхожденіе такого убѣжденія вполне понятно. Инстинктъ самосохраненія, привязывающій насъ къ жизни, такъ могучъ, имѣеть надъ нами такую власть, что мы съ трудомъ можемъ войти въ положеніе самоубійцы. Вокругъ себя мы видимъ, что все живое хватается за соломинку, чтобы продлить хоть на нѣсколько мгновеній свое скоротечное существованіе. Даже старость, осушивши почти уже всю чашу, иногда съ большимъ трудомъ отрывается отъ сладкаго напитка, чѣмъ только выступающіе на жизненный пиръ. Вотъ этотъ то ежечасный внѣшній и внутренній опытъ поселяеть въ насъ убѣжденіе въ абсолютномъ господствѣ инстинкта самосохраненія и побуждаеть смотрѣть на его ослабленіе, какъ на явленіе болѣзненное, неестественное, патологическое.

Но спеціальныя изслѣдованія привели къ тому заключенію, что изъ общей суммы самоубійць приблизительно только $\frac{1}{4}$ поражаетъ себя въ состояніи душевнаго расстройства.

Этотъ выводъ подтверждается прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ, что поведеніе большинства самоубійць не за-

---

торое развиваетъ военная служба. Отсюда прямое соотвѣтствіе между годами службы и степенью наклоности къ самоубійству. Волонтеры и офицеры, поступающіе въ военную службу по склонности, естественно быстрое приобрѣтають настроеніе, воспитываемое ею, чѣмъ люди, не склонные къ этой профессіи и смотрящіе на службу, какъ на тяжелый долгъ. Отсюда большой процентъ самоубійствъ среди офицеровъ.

ключаетъ въ себѣ ничего страннаго или неразумнаго. Почти всегда оно достаточно мотивировано. Знакомаясь съ исторіей, приведшей человѣка къ трагическому концу, ясно видишь, что при данныхъ условіяхъ и данномъ характерѣ самоубійство было логическимъ выводомъ. Въ числѣ покушавшихся на самоубійство есть люди, которыхъ никому не придетъ въ голову причислить къ душевно-больнымъ. Таковъ Наполеонъ. Но если онъ не сдѣлался самоубійцей, то только потому, что принятый имъ ядъ отъ времени потерялъ силу.

Къ такому же выводу приходятъ на основаніи анализа записокъ, оставляемыхъ самоубійцами. Не трудно отличить записку сумасшедшаго отъ письма здороваго человѣка. У перваго ясно отражаются его бредовыя идеи, манія преслѣдованія, обманчивыя впечатлѣнія чувствъ и пелѣное истолкованіе дѣйствительности. Въ изложеніи—полный безпорядокъ, указывающій на нарушеніе нормальнаго теченія представленій, которымъ характеризуется распадѣніе умственныхъ способностей. Между прочимъ, разительнымъ признакомъ душевной болѣзни служитъ ослабленіе привязанности къ роднымъ и близкимъ. Любовь — цвѣтъ развитія человѣческой личности — погасаетъ прежде всего. Психически-больной не хочетъ видѣть родныхъ, остается равнодушнымъ при свиданіи съ тѣми, которые прежде были дороги его сердцу. Въ предсмертныхъ запискахъ, принадлежащихъ умалишеннымъ, обыкновенно не встрѣчается упоминаній о родныхъ и близкихъ. Между тѣмъ у самоубійцъ, прервавшихъ нить жизни въ состояніи полнаго психическаго здоровья, любимымъ принадлежатъ послѣдніе вздохи. Они просятъ у нихъ прошенія, высказываютъ свои добрыя пожеланія, печалятся, воображая ихъ горе, посылаютъ имъ послѣднее прости. Таково содержаніе большинства записокъ самоубійцъ. Здоровый человѣкъ, направляя въ свою грудь смертоносное оружіе, съ болью разрываетъ узы, соединяющія его съ дорогами сердцу.

Но окончателно рѣшаетъ вопросъ о вмѣняемости самоубійства статистика. Если бы добровольная смерть была слѣдствіемъ той или иной формы помѣшательства, то существовало бы полное соотвѣтствіе между цифрами, обозначающими количество душевно-больныхъ и числомъ самоубійствъ. Полъ, возрастъ и нація, дающія наибольшее количество

душевно-больныхъ, давали бы и наибольшій процентъ самоубійствъ. По подобнаго соотвѣтствія вовсо нѣтъ въ дѣйствительности. Возьмемъ прежде всего полъ. Во всѣхъ странахъ Европы душевнымъ заболѣваніямъ подвержены болѣе женщины, чѣмъ мужчины. Если самоубійство обусловлено помѣшательствомъ, то мужчины и женщины должны бы были давать по крайней мѣрѣ одинаковый процентъ добровольныхъ смертей. Между тѣмъ самоубійствъ среди женщинъ въ 4 раза меньше, чѣмъ среди мужчинъ.

Не менѣе убѣдительно говорить о вмѣняемости самоубійства распредѣленіе душевныхъ болѣзней по возрастамъ. По статистическимъ даннымъ, молодотъ не охотно налагаетъ на себя руки. Во всѣхъ странахъ склонность къ самоубійству возрастаетъ прямо пропорціонально возрасту. Чаще всего убиваютъ себя въ возрастѣ отъ 50 до 60 лѣтъ. Возрастъ, дающій наибольшее количество психическихъ заболѣваній, совершенно не совпадаетъ съ годами наибольшей склонности къ самоубійству. Безуміе поражаетъ человѣка главнымъ образомъ въ періодъ зрѣлости. Тридцатилѣтній возрастъ самый опасный.

Въ заключеніе перейдемъ къ націямъ. Болѣе всѣхъ народовъ страдаютъ душевными болѣзнями евреи, и въ то же время самоубійство между ними встрѣчается рѣже, чѣмъ гдѣ нибудь. Въ этомъ случаѣ склонность къ самоубійству и къ помѣшательству стоятъ въ обратномъ отношеніи ¹⁾.

Итакъ, всѣ данныя убѣждаютъ, что большинство самоубійствъ совершается въ полномъ сознаніи, не зависятъ отъ душевныхъ болѣзней и потому вполне вмѣняемы. Состояніе самоубійцы, конечно, не нормально, но эта ненормальность состоитъ не въ психическомъ разстройствѣ.

III.

Въ чемъ же заключаются дѣйствительныя причины самоубійства? Какое настроеніе приводитъ человѣка къ отри-

¹⁾ *E. Durkheim. Le suicide.* p. 37—44 Вся первая глава этого сочиненія посвящена основательной критикѣ взгляда на самоубійство, какъ слѣдствіе душевной болѣзни. Подобную же критику даетъ *Briere de Boismont* (op. cit.) p. 481—515.

цалию собственной жизни? Причинъ самоубійства можно указать пять.

Первую причину естественнѣ всего назвать усталостью воли.

По опредѣленію психологовъ жизнь есть усиліе и постоянное напряженіе воли. Жить—значитъ желать, строить планы, бороться за ихъ осуществленіе, побѣждать препятствія, отстаивать свою личность. Когда запасъ силъ великъ и воля свѣжа, движеніе и борьба доставляютъ живѣйшее наслажденіе. Молодое животное играетъ и рѣзвится, истощенное трудомъ едва передвигаетъ ноги. Юность въ пышномъ разцвѣтѣ своихъ силъ бурнымъ потокомъ врывается на широкую арену жизни. Она мечтаетъ о вѣчномъ развитіи и не вѣря, что запасъ силъ у человѣка очень ограниченъ, тратитъ ихъ безъ сожалѣнія. Въ борьбѣ и дѣятельности ея блаженство. Препятствія только возбуждаютъ ея эвергію, и на страданія жизни она смотритъ, какъ рабочій на ссадину руки. Избытокъ силъ ищетъ исхода въ дѣятельности. А если хочешь работать, не жалѣй своихъ рукъ. Обиліе силъ выражается въ бодромъ и веселомъ возрѣніи на жизнь. Обратною стороною этого жизнерадостнаго настроенія служить страхъ смерти. Все, способное къ жизненной борьбѣ, всѣми силами стремится къ жизни и съ отвращеніемъ бѣжитъ отъ смерти. Наоборотъ, изсякшія силы возбуждаютъ въ человѣкѣ лишь мечты о спокойномъ ночлегѣ. По мѣрѣ растраты силъ, инстинктъ самосохраненія устаетъ, и отвращеніе къ смерти ослабѣваетъ. Что бы понять извѣстное психическое состояніе, нужно разсмотрѣть его въ крупныхъ размѣрахъ и острой формѣ. Обыденная жизнь даетъ наглядные примѣры такого остраго изнеможенія. Человѣка постигаетъ тяжелая и продолжительная болѣзнь. Въ началѣ его устрашаетъ смерть, и онъ готовъ перенести какую угодно операцію, лишь бы остаться въ живыхъ. Но болѣзнь затанулась. Силы сгорѣли, какъ масло въ лампадѣ, и искра жизни едва теплится. Смерть уже заглянула въ лицо больного, но теперь онъ встрѣчаетъ ее съ равнодушіемъ, непонятнымъ здоровому. „Миѣ все равно“... устало говоритъ онъ окружающимъ. Заблудившійся путникъ идетъ по глубокому снѣгу. Вѣтеръ затрудняетъ путь, выюга слѣпнеть глаза. Пока силъ еще много, онъ сознаетъ опасность своего положенія, боится смерти, борется съ нею.

Но силы его оставляютъ. Онъ ложится и съ наслажденіемъ засыпаетъ, ничего не чувствуя, кромѣ сладкаго успокоенія и очаровательныхъ грезъ. Къ такому же истощенію силъ и усыпленію инстинкта самосохраненія могутъ привести продолжительныя несчастія: лицета и всё ея ужасы, продолжительныя болѣзни и нескончаемая семейныя непріятности. Несчастныи изо дня въ день борется съ затрудненіями, но они съ каждымъ днемъ возрастаютъ. Выбившись изъ силъ, онъ ищетъ отдыха въ темной пучинѣ смерти. Это тѣ, кому при жизни никто не протянулъ руку помощи и кого тотчасъ забыли послѣ смерти. Вотъ письмо рабочаго, истощеннаго голодомъ и болѣзнію, въ жалкомъ углу котораго не найдено ни пищи, ни одежды, ни мебели, сожженной вмѣсто дровъ. „Я боролся слишкомъ долго, пишетъ онъ, но безъ всякаго успѣха. Я въ отчаяніи и выбился изъ силъ. Мысль о судьбѣ дѣтей разрываетъ мнѣ сердце. Но я надѣюсь, что моя смерть привлечетъ къ нимъ вниманіе благотворителей, и кто нибудь сжалится надъ ними“¹⁾. Таково же самоубійство бѣдной швеи, о которомъ рассказываетъ Достоевскій въ Дневникѣ Писателя. Утомленная безплодною борьбою съ лицетою, она выбросилась изъ пятаго этажа, крѣпко прижимая къ груди икону Спасителя. На усталость воли, какъ причину самоубійства, указываетъ распредѣленіе самоубійствъ по временамъ года и днямъ недѣли.

Въ какое время года совершается болѣе всего самоубійствъ?

Осенью постепенное умираніе природы и перспектива зимы разливаютъ въ воздухъ печаль и унылую безнадежность. Свинцовыя тучи, низко спустившись надъ землею, какъ крышка гроба, давятъ мысль и угнетають настроеніе. Затѣмъ наступаетъ зима. Бѣдный людъ страдаетъ отъ холода, голода и отсутствія работы. Мракъ зимней ночи пугливо настраиваетъ воображеніе, дѣлаетъ тоску острѣе, опасенія тревожище, а живительный лучъ солнца, разсѣивающій призраки ночи и вливающій мужество и бодрость, пролетаетъ надъ землею короткимъ гостемъ. Слѣдовало бы ожидать, что осенью и зимою существованіе чаще всего кажется человѣку несноснымъ. Однако цифры показываютъ,

1) *Brière de Boismont* Op. cit. p. 116.

что человѣкъ чаще всего отказывается отъ радостей жизни подъ улыбающимся небомъ весны, при блескѣ лѣтняго солнца, среди поэзи цвѣтущей природы. Количество самоубійствъ возрастаетъ прямо пропорціонально увеличенію дня и убавляется соотвѣтственно его уменьшенію. Больше всего самоубійствъ случается съ апрѣля по іюль, потомъ до декабря число ихъ убавляется, а съ января опять начинается постоянное возрастаніе ¹⁾. По мѣрѣ сокращенія ночи сокращается естественное время отдыха. Рабочее населеніе, преимущественно сельское, позднѣй ложится спать и раньше встаетъ. Трата силъ, сравнительно съ зимней спячкой деревни, возрастаетъ во много разъ. Слабые этого не выдерживаютъ. Является переутомленіе и временное усиленіе инстинкта самосохраненія, ведущее къ роковымъ рѣшеніямъ.

На ту же причину указываетъ распредѣленіе самоубійствъ по днямъ недѣли. Въ нѣкоторыхъ странахъ Европы пятница считается тяжелымъ днемъ, какъ у насъ понедѣльникъ. Предразсудокъ этотъ понижаетъ напряженіе общественной дѣятельности: у нотаріусовъ въ этотъ день заключается меньше сдѣлокъ, кассы желѣзныхъ дорогъ продаютъ меньше билетовъ. Отсюда въ пятницу меньше усталости у рабочихъ и дѣльцовъ, и соотвѣтственно этому пониженіе цифры самоубійствъ.

Въ субботу работы кончаются раньше обыкновеннаго, а воскресенье обѣщаетъ каждому полный отдыхъ. Самоубійствъ въ этотъ день совершается меньше всего. Въ воскресенье ихъ было бы еще меньше, если бы оно употреблялось на отдыхъ, а не на разгулъ ²⁾.

Итакъ, первый, заслуживающій наибольшаго снисхожденія типъ самоубійства происходитъ отъ усталости воли и инстинкта самосохраненія.

Второю причиною самоубійства служитъ атрофія воли.

¹⁾ Тысяча самоубійствъ во Франціи распредѣляется по мѣсяцамъ такимъ образомъ: Январь—68, Февраль—80, Мартъ—86, Апрель—102, Май—105, Іюнь—107, Іюль—100, Августъ—82, Сентябрь—74, Октябрь—70, Ноябрь—66, Декабрь—61. См. *E. Durkheim*. *Op. cit.* p. 97 и вообще pp. 89—99.

²⁾ По изслѣдованію Герри, самоубійства распредѣляются по днямъ недѣли въ слѣдующемъ процентномъ отношеніи: понедѣльникъ—15, 20, вторникъ—15, 71, среда—14, 90, четвергъ—15, 68, пятница—13, 75, суббота—11, 19, воскресенье—13, 57. (*Durkheim Ibid* p. 101)

Усталость воли зависить отъ дѣйствительныхъ несчастій и переутомленія. Атрофія воли, наоборотъ, является слѣдствіемъ отсутствія всякой дѣятельности и болѣзненного развитія мечтательности. Усталость воли — удѣлъ бѣдняка, который долженъ трудиться. Атрофія воли поражаетъ образованные и обеспеченные классы, которымъ ихъ развитіе и средства позволяютъ мечтать.

Эта нравственная болѣзнь извѣстна всѣмъ вѣкамъ, по съ особенною силою она разражается въ эпохи упадка вѣрованій и умственного броженія. Она выражается въ уныніи, въ отвращеніи къ жизни, въ нравственномъ безсиліи, въ неспособности радоваться и страдать, въ мечтахъ о покоѣ небытія. Византійскій императоръ Θεодосій III изобразилъ это настроеніе однимъ словомъ. Онъ приказалъ написать на своей гробницѣ слово *ὑγεία*, т. е. здоровье, освобожденіе отъ всякихъ золь. Сладкая истома успокоенія слышится въ словахъ, начертанныхъ на пьедесталѣ спящихъ статуй надъ могилою Медичи: „Сладко спать, а еще слаще окаменѣть въ часъ бѣдствія и позора. Ничего не видѣть, ничего не чувствовать — вотъ мое блаженство. Такъ не буди же меня. Ахъ, говори тише!“ Это же настроеніе выражаетъ и современный поэтъ (Вагнеръ):

- „Счастливъ, кто плылъ по житейскому морю
- „Отъ всякихъ волненій свободный,
- „Кто, какъ камень безстрастный, холодный,
- „Что стоитъ надъ спокойной могилой
- „Не зналъ ни веселья, ни горя.....

Таково проявленіе атрофіи воли. Причина же этой болѣзни кроется въ преобладаніи жизни мысли и чувства надъ дѣятельностью, въ болѣзненномъ анализѣ собственнаго душевнаго состоянія, въ привычкѣ всецѣло отдаваться наблюденію своего чувства и настроенія.

Болѣзненный анализъ, возбуждая сомнѣніе во всемъ, прежде всего разрушительно дѣйствуетъ на волю. Глубокія воды обыкновенно текутъ въ тѣсномъ руслѣ. Такъ и сила воли проявляется только при нѣкоторой узости, когда вся она сосредоточивается на одномъ предметѣ и не замѣчаетъ его тѣней. Люди дѣла, какъ Петръ Великій, Наполеонъ, не замѣчали своихъ ошибокъ и не придавали значенія критикѣ. Печально, конечно, что самый успѣхъ дѣя-

тельности зависеть отъ ея несовершенства, но таковъ ужъ удѣлъ человѣка! Кто боится ошибиться, тотъ никогда не рѣшается; кто слишкомъ много размышляетъ о своихъ планахъ, тотъ находитъ въ нихъ много темныхъ сторонъ, отъ которыхъ опускаются руки. Болѣзненная рефлексія, направленная на самого себя, раздробляетъ волю,—это внутреннее ядро жизни, а зерно, превращенное въ муку, можетъ ли пустить живой ростокъ?

Въ недавнее время болѣзнию, которую мы описываемъ, страдалъ женевскій профессоръ Аміель. Въ своемъ дневникѣ, не предназначавшемся для печати, онъ далъ ея превосходное изображеніе и тонко отмѣтилъ ея причины. „Грусть, вялость, усталость! пишетъ онъ. Предвкушеніе вѣчнаго сна охватываетъ меня..... Чаше всего я ощущаю полное изнеможеніе и молчаливую безнадежность. А отъ чего это? Отъ сомнѣнія въ мысли, въ себѣ самомъ, въ людяхъ и въ жизни, отъ сомнѣнія, которое, расслабляя волю, лишаетъ возможности исполнить желанія, которое заставляетъ забывать Бога, пренебрегать молитвой и обязанностями, отъ тревожнаго, развѣдающаго сомнѣнія, которое дѣлаетъ существованіе невозможнымъ и гасмѣхается надъ всякой надеждой“¹⁾.

Еще разрушительнѣе дѣйствуетъ рефлексія на жизнь чувства, усиливая страданія и ослабляя удовольствія.

Есть совершенно здоровые люди, которые постоянно жалуются на свои болѣзни. Многіе видятъ въ этомъ простое притворство, но это—ошибка. Люди, о которыхъ мы говоримъ, дѣйствительно несчастны, но несчастны потому, что слишкомъ чутко прислушиваются къ болѣзненнымъ ощущеніямъ тѣла, которыя неизбѣжно испытываетъ всякій, но на которыя обыкновенно не обращаютъ вниманія. Точно также люди, ушедшіе въ свой внутренній міръ, слишкомъ долго сосредоточиваютъ свое вниманіе на собственныхъ огорченіяхъ и потому чувствуютъ ихъ болѣзненнѣе.

Съ другой стороны, постоянное подсматриванье за самимъ собою разрушаетъ свѣжесть непосредственныхъ радостей. Человѣкъ съ обостреннымъ самонаблюденіемъ не можетъ вполне отдаться своему настроенію. Онъ начинаетъ обсу-

¹⁾ Изъ дневника Аміеля. Переводъ М. А. Толстой. Сиб. 1894. стр. 24

ждать его при самомъ зарожденіи, какъ нетерпѣливый ребенокъ, который, въ ожиданіи появленія бабочки, убиваетъ личинку, поминутно справляясь, жива ли она. Въ собственной душѣ онъ носитъ своего Мефистофеля, отравляющаго своей ядовитой улыбкой всякую радость жизни. Испытавши разрушительное дѣйствіе анализа на собственномъ сердцѣ, Аміель дастъ себѣ прекрасный, но запоздавшій совѣтъ. „Отдѣли, говоритъ онъ, отдѣли въ себѣ самую частицу тайны, не распахивай себя всецѣло плугомъ изслѣдованія, но удержи въ сердцѣ твоёмъ неспаханннй уголокъ пару для сѣмянъ, приносимыхъ вѣтромъ, и приберегай тѣнистый уголокъ для пролетающихъ птицъ небесныхъ; имѣй въ душѣ своей мѣсто для нежданнаго гостя и алтарь для новѣдомаго Бога. И если птица запоетъ въ твоей листвѣ, не спѣши подходить къ ней, чтобы приручить ее. И если ты ощутишь въ глубинѣ своего существа зарожденіе чего то новаго—мысли или чувства, не спѣши подносить къ нимъ свѣта или взгляда. Защити забвеніемъ рождающійся зародышъ, окружи его миромъ, не сокращай его ночи; дай ему образоваться и вырасти и не разглашай своего счастья. Священное дѣло природы должно быть завѣшено тройнымъ покрываломъ—стыдливости, молчанія и тѣни“¹⁾.

Итакъ, второю причиною самоубійства служитъ атрофія воли или то нравственное расслабленіе, которое является вслѣдствіе злоупотребленія самонаблюденіемъ и выражается въ полной неспособности дѣйствовать и наслаждаться.

Самоубійство отъ двухъ выясненныхъ причинъ отличается угнетеніемъ духа, вялостью, апатіей. Двѣ противоположныхъ причины—чрезмѣрная дѣятельность и отсутствіе всякой дѣятельности—приводятъ къ одинаковымъ послѣдствіямъ: къ безсилію, которое не желаетъ жить, не боится смерти, и мечтаетъ только объ успокоеніи. Это состояніе угнетенія сказывается въ самомъ способѣ самоубійства. У подобнаго рода самоубійцъ истиннѣе самосохраненія истощень, и они уже не чувствуютъ никакого страха предъ смертью. Послѣ неудачной попытки повѣситься одинъ офицеръ записалъ свои ощущенія, прежде чѣмъ снова повторить ее.

¹⁾ Изъ дневника Аміеля. Стр. 10.

„Странная судьба! Я повѣсилъся и потерялъ сознание, но веревка оборвалась, и я упалъ на лѣвую руку.... Я окончилъ новыя приготовленія и тотчасъ приступаю къ дѣлу, но мнѣ хочется выкурить еще одну, послѣднюю папироску. Надѣюсь, что это будетъ послѣдняя! Я не испыталъ страданій въ первый разъ. Все шло отлично. Надѣюсь, что во второй будетъ тоже самое. Я такъ же спокоенъ, какъ если бы принялъ каплеъ. Это странно, я сознаюсь, но тѣмъ не менѣе это такъ. Я спокойно хочу умереть и во второй разъ“ ¹⁾. Одинъ господинъ, рѣшившійся задушить себя угаромъ, въ теченіе часа записывалъ свои ощущенія, пока перо не выпало изъ рукъ. Въ его запискѣ нѣтъ и тѣни страха и, повидимому, его болѣе всего интересовало, что скорѣе погаснетъ отъ чада—свѣча или лампа ²⁾.

¹⁾ *Durkheim*. Op. cit. p. 320.

²⁾ „Я не имѣю претензій доказать свое мужество или слабость. Я хочу употребить тѣ немногія мгновенія, которыя еще остаются у меня, на описаніе ощущеній и продолжительности страданій умирающихъ отъ угара. Если бы это оказалось на что нибудь годнымъ, моя смерть не была бы совершенно бесполезной. Если я буду слишкомъ кратокъ, это не должно означать моего малодушія. Это значитъ, что я былъ не въ состояніи продолжать или что я предпочелъ ускорить катастрофу.

7 ч. 45 м. Все готово. Пульсъ 60—61 въ минуту. Я зажигаю свѣчу и лампу, чтобы видѣть, какая изъ нихъ скорѣе погаснетъ.

Прошу снисхожденія у ученыхъ, если я буду употреблять неподходящіе термины. Жду восьми часовъ, чтобы зажечь огонь.

7 ч. 55 м. Пульсъ 80 разъ въ минуту.

7 ч. 58 м. 90 ударовъ пульса и часто болѣе.

8 ч. — „ Я зажигаю огонь.

8 ч. 3 м..... Угли погасли. Я долженъ снова разжечь ихъ бумагой. Легкая боль въ головѣ.

8 ч. 9 м. 85 ударовъ пульса.

8 ч. 13 м. Боль въ головѣ усиливается. Комната полна дыма. У меня захватываетъ дыханіе. Покалыванье въ глазахъ. Ощущеніе сжиманія горла. Пульсъ 65.

8 ч. 20 м. Горѣніе въ полной силѣ.

8 ч. 22 м. Я понюхалъ нашатырнаго спирта, но это не принесло мнѣ облегченія. Глаза наполнились слезами.

8 ч. 23 м. Колотье ощущается въ носу. Я начинаю страдать.

8 ч. 25 м. Я выпилъ немного воды. Я почти не могу болѣе дышать. Зажимаю носъ платкомъ.

8 ч. 32 м. Чувствую себя лучше, зажавши носъ. Пульсъ 63.

8 ч. 33 м. Свѣтъ блѣднѣетъ. Я пролилъ воду, которую было такъ приятно пить.

Подобнаго рода самоубійцы часто пользуются самыми мучительными средствами ¹⁾. Для нихъ это все равно, лишь бы освободиться отъ бремени, которое слишкомъ тяжело для ихъ ослабѣвшей воли. Нѣкоторые даже играютъ со смертью: приставить дуло къ виску, слегка потянуть курокъ, потомъ отложить оружіе, выкурить папироску. Вотъ записка одного очень юнаго самоубійцы: „меня нисколько не беспокоитъ мысль о смерти.... Совершенно равнодушень, только внутри какъ то холодитъ непріятно, а то ничего.... Вотъ чувствую приближеніе стали къ виску.... Холодная.... отняль.... погожу.... Сначала запечатаю письмо. Покурю еще разъ предъ смертью и еще нѣсколько разъ вздохну-полной грудью.... Вотъ и сталь у виска.... Прощайте, молитесь за грѣшника“!.... ²⁾.

Третья причина самоубійства лежитъ уже не въ усыпленіи воли, а въ ея дурномъ направленіи. Это самоубійство грубыхъ и тонкихъ эпикурейцевъ, полагающихъ весь

8 ч. 35 м. Головная боль усиливается. Дрожаніе во всѣхъ членахъ.

8 ч. 40 м. Свѣтъ свѣчи ослабѣваетъ скорѣе.

8 м 42 м. Сильнѣйшая боль въ головѣ. Свѣтъ лампы ярче. По правдѣ сказать, я отъ времени до времени поднимаю фитиль. Мнѣ хочется спать.

8 ч. 49 м. Я зажаль носъ. Глаза наполнились слезами. Свѣча бросаетъ слабый свѣтъ. Въ ушахъ звонитъ.

8 ч. 51 м. Свѣча почти погасла. Лампа все еще горитъ. Чувствую тошлоту и желалъ бы выпить воды.

8 ч. 53 м. Страданіе во всемъ тѣлѣ. Крѣпче зажимаю носъ.

8 ч. 54 м. Свѣча погасла, лампа еще свѣтитъ.

8 ч. 56 м. Пульсъ 81. Голова очень тяжела. Я почти не могу писать.

8 ч. 58 м. Силы меня оставляютъ. Если бы была вода, я напился бы. Лампа все горитъ. Боль въ головѣ усиливается.

9 ч. — „ Я сдѣлалъ послѣднее усиліе и досталъ воды. Я страдаю ужасно. Лампа все еще горитъ.

9 ч 1 м. Я чувствую себя лучше. Выпилъ воды. Свѣтъ лампы слабѣетъ. *Меня охватываетъ бредъ*

9 ч. 5 м. Я.....“

(*Vieille de Voismont* Op. cit. p. 199 -209).

¹⁾ Напр. врачи, которые легко могли бы достать мгновенно дѣйствующіе яды, часто отравляются карболовой или сѣрной кислотой, которыя причиняютъ мучительную болѣзнь, кончающуюся смертію. (*И. А. Сикорскій*. Самоубійство среди русскихъ врачей. Вопросы нервно-психической медицины. Выпускъ 1—2, стр. 16.

²⁾ Изъ газетъ.

смыслъ жизни въ своихъ личныхъ удовольствіяхъ. Но изъ всѣхъ нитей, привязывающихъ человѣка къ жизни, удовольствіе есть самая хрупкая.

Вульгарный эпикуреецъ упрощаетъ свои удовольствія. Ыда, вино, женщины и карты—вотъ весь кругъ его интересовъ. Когда изсякшія средства или измѣнившее здоровье дѣлаютъ привычныя наслажденія невозможными, его жизнь естественно утрачиваетъ всякій смыслъ и становится несносной. Тогда, съѣвши въ послѣдній разъ обильный ужинъ въ обществѣ пьяной ватаги и непотребныхъ женщинъ, онъ выходитъ въ другую комнату и пускаетъ себѣ пулю въ лобъ, предоставляя заплатить по счету своимъ собутыльникамъ.

Тѣ изъ нихъ, у кого природа нѣсколько богаче убиваютъ себя ранѣе этого банкротства, по очень понятнымъ психологическимъ причинамъ. Между многочисленными потребностями человѣческой природы однѣ отличаются перемежающимся характеромъ, другія—постояннымъ. Первыя, перемежающіяся, связаны съ органическими инстинктами питанія и размноженія. Наоборотъ, высшія стремленія—научныя, особенно нравственныя и религіозныя—постоянны. Поэтому, удовольствія чувственныя мимолетны, и избирающіе ихъ своею цѣлью дѣлаютъ ошибочный расчетъ. На одно мгновеніе они охватываютъ душу яркимъ пожаромъ страсти, и сейчасъ же гаснутъ, оставляя въ ней пустоту и ропотъ высшихъ побужденій, не получившихъ удовлетворенія. Прочное счастье даютъ лишь потребности, отличающіяся постояннымъ характеромъ, при удовлетвореніи которыхъ физическія лишенія являюся мимолетными тѣнями, проносящимися по свѣтлому фону общаго довольства жизнию.

Нравственное умиравіе естественно замедляется у эпикурейцевъ тонкихъ и расчетливыхъ. Они умѣютъ разнообразить свои наслажденія и полагаютъ ихъ въ изысканности комфорта, блескѣ остроумія, въ утонченности вкуса и изяществѣ, проникающемъ всю жизнь. Таковъ Петроній, наиболѣе яркій типъ въ романѣ Г. Сенкевича „Камо грядеши?“. Но старость и болѣзни, дѣлая жизнь тяжелой, ведутъ къ насильственному прекращенію этого блестящаго, но пустого существованія.

Эпикурейцы остаются вѣрными себѣ до послѣдняго вздоха.

Они избираютъ смерть быструю, легкую и даже пріятную. Петроній открылъ себѣ вены и тихо уснулъ въ великолѣпной залѣ, благоухающей фіалками и сверкающей разноцвѣтными лучами александрійскихъ лампъ, послѣ изысканнаго пиршества въ избранномъ обществѣ друзей, подѣ звуки веселыхъ пѣсенъ Анакреона и тихія мелодіи цитры.

Разнузданность воли служить четвертой причиною самоубійства. Она состоитъ въ неумѣнн ограничивать свои желанія и удовлетворяться возможнымъ. Если на жизненномъ пути этихъ людей встрѣчается препятствіе, они не могутъ отступить предъ нимъ или обойти его, но съ раздраженіемъ бросаются впередъ и, принужденные все-таки отступить, уничтожаютъ самихъ себя. „Милая N, пишетъ студентъ-медикъ своей сестрѣ, милая N! Я отравился, потому что жить было нечѣмъ, не оставляя академіи. Простись за меня съ мамой, братомъ, кошкой и со всѣми!“ Человѣкъ съ большимъ самообладаніемъ, на его мѣстѣ, конечно, погоревалъ бы, но избралъ бы себѣ другую профессію и счастливо дожилъ бы до старости.

Необузданность воли ведетъ къ самоубійству даже и въ томъ случаѣ, если жизнь поступаетъ менѣе сурово. Потребности растутъ гораздо быстрѣе, чѣмъ средства ихъ удовлетворенія. Для умноженія желаній достаточно воображать лучшее состояніе, а для увеличенія средствъ необходимо дѣйствовать и считаться съ препятствіями. Когда человѣкъ достигъ желаннаго, онъ начинаетъ мечтать о возможномъ, получивъ это, желаетъ невозможнаго. Такъ развивается вѣчно-жаждущее и неизлѣчимо-больное сердце Фауста и Манфреда. Ни любовь, ни наука, ни власть, ни успѣхъ въ томъ видѣ, въ какомъ ови существуютъ на землѣ, не удовлетворяютъ его. Все это кажется слишкомъ скучнымъ и банальнымъ. Эти люди стремятся къ необыкновенному и теряются въ неизмѣримости своихъ желаній. Скудость пріобрѣтеній и ничтожество достигнутыхъ отрадъ наполняютъ горечью ихъ души. И вотъ, не получивъ всего, они не хотятъ уже ничего и отказываются отъ жизни. Еще Стобей рассказывалъ о самоубійствѣ молодого человѣка, котораго отецъ принуждалъ заняться земледѣліемъ. „Заняться земледѣліемъ, восклицаетъ юноша въ оставленной запискѣ, какая скука! Вѣчно нужно сѣять, чтобы потомъ жать, и жать,

чтобы опять сѣять“¹⁾). А вотъ примѣръ изъ современной жизни. „Мои добрые друзья! пишетъ одинъ самоубійца, посылаю вамъ мое послѣднее прощаніе, потому что я рѣшился умереть. Я такъ мало имѣлъ утѣшенія въ жизни, что покидаю ее безъ сожалѣнія. Эту идею я ношу вотъ уже три года. Я всегда говорилъ себѣ, что я никогда не сумѣю создать себѣ положенія талантами, которые ничтожны, и умою, который подобенъ талантамъ. Прозябать такимъ образомъ 30—40 лѣтъ, можетъ быть больше, можетъ быть меньше, право не стоитъ труда... Я знаю, что я молодъ, и что все это еще можетъ быть пройдетъ. Но у меня нѣтъ терпѣнія ждать, и я очень доволенъ, имѣя достаточно мужества, чтобы сразу освободиться отъ всѣхъ будущихъ волненій. Если бы я имѣлъ впереди болѣе блестящее будущее, я можетъ быть остался бы. Я разъ на всегда рѣшился не переступать тридцати-двухлѣтняго возраста, если моя судьба не улучшится“²⁾).

Необузданная воля, встрѣчая препятствія, раздражается, и это кладетъ свою печать на послѣднія минуты этого рода самоубійецъ. Очень часто они предварительно убиваютъ тѣхъ, кого считаютъ причиною своего несчастія. Ихъ предсмертныя записки бываютъ полны угрозъ, упрековъ и даже богохульства. Но замѣчательнѣе всего то, что человѣкъ часто избираетъ собственную смерть орудіемъ мести. Это, кажется, самый ужасный видъ ея! Часто руку самоубійцы вооружаетъ желаніе оставить въ сердцѣ своего врага по-

1) *Brierre de Boismout*. Op. cit. p. 175—176.

2) *Ibid*. p. 192—193.

Интересныя указанія даетъ статистика. Устойчивость въ распредѣленіи благъ жизни въ извѣстномъ обществѣ выражается въ постоянствѣ годовой цифры самоубійствъ. Но быстрый приливъ средствъ и внезапное увеличеніе экономическаго благосостоянія страны сразу повышаетъ количество самоубійствъ. Такими послѣдствіями сказались быстрый экономическій подъемъ Італіи вскорѣ послѣ объединенія. Замѣчено даже, что удачная всемірная выставка, благотѣльная для города, въ которомъ она имѣла мѣсто, всегда сопровождается повышеніемъ процента самовольныхъ смертей. Парижская выставка 1878 г. повысила количество самоубійствъ на 8%, а въ 1889 на 10%. Во всѣхъ этихъ случаяхъ быстрое обогащеніе однихъ разнуздываетъ аппетиты другихъ и дѣлаетъ для нихъ нестерпимой ту степень обезпеченія, которую прежде они довольствовались. (*E' Durkheim*. Op. cit. p. 267 - 271).

стоянныя угрызения совѣсти. Тогда онъ приходитъ и на глазахъ своего противника перерѣзаетъ себѣ горло, чтобы сдѣлать его свидѣтелемъ своей смерти¹⁾).

Когда почва для самоубійства подготовлена, когда человѣкъ проникся однимъ изъ четырехъ настроеній, о которыхъ мы сказали, на него сильное вліяніе оказываетъ примѣръ. Это пятая, косвенная причина самоубійства.

1) Причиною самоубійства можетъ служить или усыпленіе воли и желаній или ихъ разнузданность, не сдерживаемая никакими нравственными принципами. Когда выяснены эти причины, я могу сдѣлать еще одно добавленіе къ вопросу объ отношеніи самоубійства къ убійству. Ранѣе было показано, что самоубійство особенно часто встрѣчается въ средѣ, въ которой жизни чело́вѣка придаютъ мало значенія. Если это справедливо, статистика должна отмѣтить параллелизмъ въ увеличеніи количества убійствъ и самоубійствъ. Между тѣмъ въ цифрахъ замѣтно колебаніе: иногда количество убійствъ возрастаетъ пропорціонально увеличенію количества самоубійствъ, иногда эти два рода преступленія стоятъ въ обратномъ отношеніи между собою. Нельзя ли отсюда вывести заключенія, что самоубійство вовсе не колеблетъ въ обществѣ принципъ неприкосновенности чело́вѣческой жизни, и что чело́вѣкъ, разрушая собственную жизнь, можетъ относиться къ чужой, какъ къ святынь. Отвѣчу на это возраженіе. *Самоубійцы иногда дѣйствительно не обнаруживаютъ наклонности къ убійству, но не потому, что ихъ сдерживаетъ уваженіе къ чужой жизни, а потому, что они не имѣютъ искушеній убить другого.* Можно оставаться честнымъ или потому, что уважаешь чужую собственность, или потому, что не имѣешь ни желанія, ни надобности украсть. Въ первомъ случаѣ, искушеніе, имѣющееся на лицо, сдерживается нравственнымъ убѣжденіемъ. Во второмъ—чело́вѣкъ дѣйствуетъ такъ, какъ будто онъ уважаетъ нравственный принципъ, по отсутствію влеченія къ преступленію. Обратимся теперь къ самоубійству. Чело́вѣкъ, у котораго желанія усыплены влѣдствіе ли утомленія или въ силу преобладанія мысли, не можетъ имѣть влеченія къ убійству. Къ насилію на личность другого обыкновенно склоняютъ бурные аффекты и страсти, къ которымъ не способна ослабѣвшая воля этихъ людей. Не считая жизнь чело́вѣка неприкосновенной, они все-же не могутъ быть склонны къ убійству по отсутствію достаточныхъ побужденій. Наоборотъ, люди съ разнузданною волею могутъ испытывать искушеніе къ убійству и, не сдерживаемые принципомъ неприкосновенности чело́вѣческой жизни, часто, какъ было уже упомянуто, убиваютъ другихъ, прежде чѣмъ покончить съ собою. Отсюда, если въ извѣстномъ обществѣ преобладаетъ угнетенное настроеніе, самоубійства въ немъ будутъ преобладать надъ убійствами. Если же, напротивъ, его волнуютъ сильныя страсти, не сдерживаемыя нравственными принципами, то количество самоубійствъ и убійствъ будетъ находиться въ прямомъ соотвѣтствіи. Вотъ истолкованіе кажущагося противорѣчія статистическихъ данныхъ. (*E. Durkheim. Op. cit.* pp. 345—411).

Самоубійство, совершенное при необычайныхъ и исключительно трагическихъ обстоятельствахъ очень часто вызываетъ подражателей. Вскорѣ послѣ надѣлавшаго много шума самоубійства Австрійскаго принца Рудольфа, совершенно было нѣсколько самоубійствъ при той же обстановкѣ. Во Франціи однажды застрѣлился солдатъ въ сторожевой будкѣ. Его примѣру послѣдовало нѣсколько товарищей. Будку сожгли, и самоубійства тотчасъ прекратились. Одинъ инвалидъ повѣсился на воротахъ казармы. Въ теченіе двухъ недѣль на этихъ же воротахъ повѣсился еще 12 инвалидовъ. Ворота замуровали, и эпидемія прекратилась. Въ данныхъ примѣрахъ несчастная будка и ворота постоянно оживляли у солдатъ, очевидно предрасположенныхъ къ самоубійству, образъ совершенныхъ здѣсь преступленій противъ своей личности. Но всякое живое представленіе по законамъ психологіи стремится само собою выразиться въ соответствующихъ движеніяхъ. Жестикуляція увлекающагося рассказчика, воспроизводящаго въ дѣйствіяхъ все событіе— вотъ самый простой и наглядный примѣръ того, какъ живое представленіе само собою стремится выразиться въ движеніяхъ. Такимъ же яркимъ представленіемъ служить и образъ самоубійства, выдающагося по своимъ подробностямъ. Естественно онъ западаетъ въ слабыя души, и онѣ, какъ одержимыя, не въ силахъ бываютъ противостоятъ ему.

Итакъ, мы отмѣчаемъ слѣдующія причины самоубійства. 1) Усталость инстинкта самосохраненія подъ вліяніемъ продолжительныхъ болѣзней и страданій. 2) Атрофія воли подъ вліяніемъ чрезмерно развитой склонности къ анализу собственныхъ состояній. 3) Отсутствие объективныхъ цѣлей жизни и ограниченіе ихъ эпикурейскимъ стремленіемъ къ удовольствію. 4) Необузданность желаній. 5) Вліяніе примѣра.

IV.

Имѣя въ виду эти причины самоубійства, перейдемъ къ разъясненію послѣдняго вопроса—о мѣрахъ противъ этого зла.

Мѣры противъ самоубійства могутъ быть репрессивныя и воспитательныя.

Подъ первыми я разумѣю гражданскія и каноническія наказанія за самоубійство.

Издавна противъ самоубійства существовала рядъ мѣръ, дѣйствовавшихъ до первой четверти и даже до половины настоящаго столѣтія. Эти мѣры касались, во-первыхъ, имущества самоубійцъ. Во многихъ христіанскихъ государствахъ оно конфисковалось, а завѣщанія самоубійцъ не признавались дѣйствительными. Во-вторыхъ, онѣ допускали поруганіе труповъ самоубійцъ. Огрубѣніе, свойственное вообще среднимъ вѣкамъ, сообщало этимъ мѣрамъ характеръ отвратительнаго издѣвательства надъ останками несчастныхъ. Ихъ влчили по улицамъ и перекресткамъ, лицомъ къ землѣ, вѣшали за ноги или бросали въ ямы для нечистотъ. Въ Англіи до 1823 г. трупы влчили по улицамъ и зарывали на большихъ дорогахъ безъ всякой религіозной церемоніи. У насъ подобныя же узаконенія были изданы Петромъ Великимъ. Имъ предписано было влчить самоубійцъ по улицамъ и закапывать въ „безчестномъ мѣстѣ“. Матросы за попытку къ самоубійству наказывались смертію, а трупы самоубійцъ вѣшали за ноги на реяхъ. По пунѣ дѣйствующему праву, завѣщанія самоубійцъ признаются ничтожными и не подлежащими исполненію, а они сами лишаются христіанскаго погребенія.

Въ основу церковнаго законодательства легло правило св. Тимофея Александрійскаго, согласно которому самоубійца, совершившій свое преступленіе въ здоровомъ умѣ, лишается христіанскаго погребенія и поминовенія.

Противъ этихъ мѣръ возражаютъ, находя ихъ не цѣлесообразными. Самое строгое наказаніе, которымъ располагаетъ государство, говорятъ они, есть смертная казнь. Но и это наказаніе не можетъ устрашать человѣка, который ищетъ смерти. Эти люди рассуждаютъ безъ сомнѣнія логично. Но надъ человѣкомъ больше власти имѣетъ психологія, чѣмъ логика. Навыки и устрашающіе образы часто вліяютъ сильнѣе, чѣмъ разумные доводы. Одинъ рабочій намѣревался броситься въ рѣку. Стоявшій здѣсь на часахъ солдатъ прицѣлился и закричалъ: остановись, убью! и рабочій не рѣшился привести въ исполненіе свой планъ. Нѣкогда въ Милетѣ среди молодыхъ дѣвушекъ развилась манія самоубійства. Многіе думали, что это бѣдствіе испослано богами, потому что

предотвратить его не могли никакими средствами. Но одинъ гражданинъ посовѣтовалъ вывозить обнаженные трупы повѣсившихся на рынокъ. Самоубійства прекратились. При Тарквиніи Прискѣ многіе квириты, утомляемые тяжкими работами, стали прибѣгать къ самоубійству. Тарквиній приказалъ распинать трупы самоубійцъ на крестахъ и отдавать тѣла ихъ на съѣденіе птицамъ и звѣрямъ. Мѣра имѣла полный успѣхъ ¹⁾).

Времена измѣнились и нравы сдѣлались мягче. Мы не можемъ сносить издѣвательствъ надъ трупами. Но въ полной силѣ должно сохраниться давнее отношеніе церкви къ самоубійству. Самоубійца самъ измѣняетъ церкви и тѣмъ самымъ лишаетъ себя всякихъ правъ, на которыя могутъ рассчитывать только члены церкви. Но было бы желательно, во-первыхъ, положить предѣлъ злоупотребленію медицинскими свидѣтельствами, которыя въ угоду родственникамъ сводятъ къ нулю дѣйствующія узаконенія. Во-вторыхъ, не слѣдуетъ дѣлать никакихъ исключеній положенію въ обществѣ и состоянію. Въ Церкви всѣ должны быть равны, и ничто такъ не развращаетъ массъ, ничто такъ не охлаждаетъ ихъ привязанности къ религіи, какъ нарушеніе этого элементарнаго правила. Въ-третьихъ, даже церковное погребеніе совершившихъ самоубійство въ состояніи невмѣняемости должно быть лишено всякой торжественности и публичности.

Вторая репрессивная мѣра, которую рекомендуютъ примѣнять въ борьбѣ съ самоубійствомъ, касается печати. Были уже отмѣчены факты, показывающіе, что самоубійство, совершенное при исключительно трагической обстановкѣ, поражаетъ воображеніе и толкаетъ къ роковому рѣшенію слабыхъ и предрасположенныхъ. Предлагаютъ запретить печати оглашеніе случаевъ самоубійства. Но напрасно думаютъ, что молчаніе есть лучшее средство отъ всѣхъ золъ. Общество не должно оставаться въ слѣпой увѣренности, что все обстоитъ благополучно. Оно должно видѣть надвигающую опасность, чтобы бороться съ нею. Притомъ же сообщенія о самоубійствѣ не трудно обезопасить. Сухое и дѣловое упоминаніе о фактѣ способно такъ же мало вліять на рѣшеніе читателя, какъ извѣстія о пожарахъ,

¹⁾ Невзоровъ. О самоубійствѣ. Казань 1891.

воровствѣ и подкинутыхъ младенцахъ. Чтобы сообщеніе о самоубійствѣ могло подѣйствовать заразительно, оно должно быть картинно и затрогивать многочисленныя нити въ душѣ. Психическое внушеніе производитъ всегда конкретный образъ, а не отвлеченная мысль.

Репрессивныя мѣры, направляются противъ внѣшней поверхности зла и оставляютъ нетронутымъ его корень, борятся съ проявленіемъ болѣзни, но не съ ея причинами. Когда тѣло больного покрывается сыпью, медицина оставляетъ безъ вниманія нарывы и направляетъ лѣченіе противъ болѣзненнаго начала, скрывающагося въ крови. Точно также, чтобы уменьшать въ обществѣ наклонность къ самоубійству, нужно бороться съ причинами и настроеніемъ, которыя склоняютъ къ нему.

Для этого, во-первыхъ, нужно отвлечь вниманіе человѣка отъ его личныхъ огорченій, будутъ ли они дѣйствительными или воображаемыми. Во-вторыхъ, нужно бороться съ религіознымъ сомнѣніемъ. Въ-третьихъ, нужно воспитывать волю, сообщать ей больше упругости въ борьбѣ съ неудачами и больше власти надъ самой собою.

1) Причиною самоубійства часто служитъ утомленіе, вызванное дѣйствительными несчастіями. Въ этомъ случаѣ зло могло бы быть облегчено лучшею организаціей благотворительности. Во многихъ случаяхъ помощь, оказанная во время, могла бы остановить уже занесенную руку. Но матеріальная поддержка не имѣетъ въ данномъ случаѣ большого значенія. Самоубійство зависитъ не столько отъ несчастій, сколько отъ неумѣнья переносить ихъ. Замѣчено, что бѣдные классы и бѣдствующія страны, какъ Италія и Ирландія, даютъ менѣе всего самоубійствъ. Чтобы облегчить страданія, нужно отвести вниманіе человѣка отъ его личныхъ огорченій. Когда подслушиваешь свои болѣзненные ощущенія, они разгораются сильнѣе и совершенно овладѣваютъ душою. Но человѣкъ имѣетъ чудную способность забывать о своей личности ради цѣлей, лежащихъ внѣ ея. Солдатъ идетъ на приступъ, не замѣчая, что онъ уже раненъ. Страстно стремиться къ цѣли значитъ не ощущать трудностей пути.

Еще необходимо отвлечь вниманіе тѣхъ, которые страдаютъ влѣдствіе болѣзненнаго развитія рефлексіи и ана-

лиза. Печаль и тоска, возникающія отсюда, имѣютъ какую то непонятную прелесть и напоминаютъ то сладкое томленіе, которое охватываетъ нервныхъ людей раннею весною. Разъ прильнувши къ этой чашѣ, человекъ не въ силахъ оторваться отъ нея, пока не выпьетъ всего яда, осѣдающаго на ея днѣ. Но онъ спасенъ, если кто нибудь насильно вырветъ у него изъ рукъ этотъ пріятный, но вредный напитокъ. Съ замѣчательною психологическою тонкостью св. Златоустъ въ посланіи къ Стагирію, который страдалъ этою же болѣзнію, указываетъ три средства противъ нея. Первое средство—не любить этой печали. Второе—лѣчить воображаемая скорби дѣйствительными и для этого проникать въ больницы, богадѣльни и труппы бѣдняковъ. Третье—вступить въ бракъ, чтобы меньше думать о себѣ и больше заботиться о другихъ, чтобы поставить себя въ необходимость заняться какой нибудь профессіей. Насколько правъ св. Златоустъ, показываетъ статистика. Во всѣхъ странахъ общественныя событія, сильно волнующія массы, т. е. отвлекающія вниманіе единицъ отъ нихъ лично къ объективнымъ интересамъ, значительно сокращаютъ количество самоубійствъ. Такъ дѣйствуетъ война. Побѣдители заняты успѣхами своего оружія, побѣжденные оплакиваютъ пораженіе своей арміи, но тѣ и другіе совершаютъ самоубійствъ гораздо меньше. Такое вліяніе оказываетъ даже избирательная борьба, если только она протекаетъ оживленно¹⁾. Такимъ образомъ, чтобы не чувствовать слишкомъ острой боли отъ собственныхъ страданій, нужно отдаться чему нибудь стоящему внѣ, объективному интересу.

Итакъ, для борьбы съ самоубійствомъ, происходящимъ

¹⁾ Война между Италіей и Австріей въ 1866 г. понизила количество самоубійствъ въ той и другой странѣ на 14 %

	1865 г.	1866 г.	1867 г.
Италія	679	588	657 . . . . .
Австрія	1.464	1.265	1.407 . . . . .

Война между Франціей и Германіей въ 1870—1871 г. имѣла такое же вліяніе.

	1869	1870	1871	1872
Пруссія	3.186	2.963	2.723	2.950 . . . . .
Саксонія	710	657	653	687 . . . . .
Франція	5.114	4.157	4.490	5.275 . . . . .

E. Durkheim. Op. Cit. p. 218 и вообще pp. 215—222).

отъ этихъ причинъ, нужно заинтересовать общество объективными дѣлами. Это достигается отчасти уже семьей. Мысль о дѣтяхъ и близкихъ заставляетъ человѣка забывать о своихъ личныхъ горестяхъ, а радости семейной любви облегчаютъ бремя жизни. Такое же вліяніе могло бы оказать развитіе въ обществѣ инициативы и собственнаго почина въ дѣлахъ общественнаго благосостоянія. Наконецъ, была бы полезна такая организація прихода, при которой всѣ его члены принимали бы самое дѣятельное участіе въ его общей жизни подъ руководствомъ своего священника. Тогда бѣднякъ получалъ бы своевременную помощь, а нуждающійся въ дѣятельности имѣлъ бы для нея обширное поприще.

2) Вторая воспитательная мѣра противъ самоубійства— борьба съ религіознымъ сомнѣніемъ. Всѣ изслѣдователи согласны, что религія крѣпче всего привязываетъ человѣка къ жизни. Идея безсмертія и загробнаго воздаянія сообщаетъ смыслъ человѣческой жизни. Вопросъ только въ томъ, какъ проповѣдывать эти истины, чтобы виѣдрить ихъ въ сознаніе народовъ, чтобы затруднить сомнѣніе въ нихъ.

Къ числу суевѣрій, пережитыхъ уже человѣчествомъ, принадлежитъ убѣжденіе въ магической силѣ словъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія, люди были увѣрены, что слова братство, равенство, свобода тотчасъ создадутъ земной рай, и что достаточно написать хорошіе законы, чтобы исцѣлить общество отъ всѣхъ недуговъ. Прошло сто лѣтъ, но ничего не измѣнилось, и можетъ быть, мы наканунѣ всеобщей рѣзни. Нѣтъ, не столько катехизическія поученія, сколько обряды и церковная дисциплина сдѣлали народы христіанскими. Животный организмъ не можетъ питаться неорганическою пищей. Онъ усваиваетъ минераль только тогда, когда растеніе превратило его въ живую клѣтку. Такъ и массы народныя не могутъ питаться духовно философскими положеніями и отвлеченными догматическими формулами. Эта пища должна потерпѣть преобразованіе, чтобы быть усвоенной. Церковь давно это сознаетъ и превращаетъ идеи въ чувства, а чувства виѣдряетъ въ душу силою постоянства своихъ воздѣйствій.

Церковь выражаетъ догматическія идеи въ священныхъ пѣснопѣніяхъ, полныхъ поэзіи, и богослужебныхъ дѣйствіяхъ,

полныхъ глубокаго смысла, въ великолѣпнн храмовъ, въ торжественности архіерейскаго служенія, въ пышности и блескѣ церковныхъ процессій, въ контрастахъ церковнаго освѣщенія и облаченія священнослужителей, въ систематическомъ подготовленіи пасхальнаго настроенія печальною монотонностью великопостной службы и торжественной трогательностью обрядовъ страстной седмицы. Вѣрующій въноситъ изъ церкви настроеніе, но въ этомъ настроеніи скрыта идея, догматъ, лежащій въ основѣ обряда. Вѣдь мысль и чувство—двѣ стороны одного и того же душевнаго настроенія. Мысль, глубоко проникшая въ душу, становится чувствомъ. Когда въ другомъ нужно вызвать чувства, волнующія насъ, мы дѣлаемъ это посредствомъ мыслей. Вотъ почему можно быть христіаниномъ, не зная догматики и не умѣя безъ ошибки пересчитать всѣ ея положенія.

Чувства, воспитываемыя обрядомъ, приобрѣтаютъ непреодолимое вліяніе на волю въ силу повторенія.

Вѣрный членъ церкви съ ранняго дѣтства и до гробовой доски подчиняется религіозному распорядку жизни. Ежедневно и ежечасно онъ испытываетъ на себѣ вліянія, исходящія отъ церкви. Быть можетъ, эти вліянія, взятые въ отдѣльности, мало отражаются на чувствѣ, но изъ безконечно малыхъ величинъ часто создается великая сила. Лучъ солнца, капля воды и вѣяніе вѣтра, болѣе легкое, чѣмъ прикосновеніе бабочки, въ теченіе столѣтій размягчаютъ гранитъ и одѣваютъ зеленью бесплодный камень. Человѣкъ разсѣяннo перекрестился на церковь и прошелъ мимо. Но въ его душу все же запала крупинка, которую мы не въ состояніи взвѣсить. Совокупность этихъ вліяній создаетъ христіанское направленіе воли, выдерживающее борьбу съ теоретическимъ сомнѣніемъ. Часто, отрѣшившись отъ всѣхъ догматовъ, продолжаютъ жить по христіански. Состояніе мысли измѣнилось, чувства и навыки остались тѣже. Флаконъ давно опустошенъ, но издаетъ еще ароматъ духовъ. Вопли противъ обрядовъ и церковной дисциплины— вотъ чего мы должны бояться болѣе всего. Я говорю не о неприкосновенности обрядовъ, а о сохраненіи обряда. Обряды могутъ быть измѣняемы, но культъ,— вотъ что должно быть удержано.

3) Третья мѣра противъ самоубійствъ—это воспитаніе воли.

Жизнь далеко не похожа на увеселительную прогулку. Это кремнистый путь, который нельзя сдѣлать, не изранивъ ногъ. Вступая на этотъ путь, нужно быть готовымъ ко всему. Поэтому изнѣженное воспитаніе есть преступленіе противъ собственныхъ дѣтей. „Опытъ показываетъ, говорить одинъ изслѣдователь вопроса о самоубійствѣ, что такое воспитаніе дѣлаетъ дѣтей печальными, раздражительными, необузданными въ своихъ желаніяхъ. Особенно въ высшихъ классахъ замѣтна эта робкая снисходительность, которая развращаетъ дѣтей и препятствуетъ развитію ихъ тѣла и духа. Вся домашняя прислуга бѣжитъ на зовъ этихъ маленькихъ тирановъ: она получила приказаніе удовлетворять ихъ малѣйшіе капризы. Ихъ умъ превозносятъ, предоставляютъ имъ главную роль и не въ семейномъ только кругу. Что же происходитъ отъ такого воспитанія? Въ 15 лѣтъ они уже притупили вкусъ ко всему, и этотъ умъ, которому удивлялись въ дѣтствѣ, смѣнился состояніемъ, близкимъ къ тупоумію. Не будучи приучены къ превратностямъ жизни, эти маленькія существа при малѣйшемъ несчастіи, при малѣйшей неудачѣ, дѣлаются сумасшедшими или самоубійцами“¹⁾. Въ тепличную атмосферу современной дѣтской необходимо впустить бодрящую струю морознаго воздуха.

Но одного воспитанія въ дѣтствѣ недостаточно. Свои приобрѣтенія нужно охранять и впоследствии. Характеръ портится быстро и незамѣтно.

Безпорядочность желаній была почти невозможна когда въ обществѣ господствовалъ церковный строй жизни. Церковь налагаетъ на вѣрующаго многочисленныя ограниченія, и его воля, постоянно наталкиваясь на препятствія, приучалась къ самообладанію. Въ этомъ отношеніи было важно и раннее вставанье къ утрени, когда хотѣлось еще спать, и отказъ отъ удовольствій наканунѣ праздника, когда хотѣлось пѣть и веселиться, и распредѣленіе пищи, опредѣлявшееся не прихотью, а обычаемъ, хранимымъ всѣми. Взятая въ отдѣльности, эти лишенія незначительны, но повторяясь изо дня въ день, они приучаютъ владѣть собою и сдерживать порывы въ самомъ началѣ.

¹⁾ *Farlet*. Du suicide et de l'hypocondrie, considere sur ces maladies, leur siege, leurs symptomes et les moyens d'en arreter les progres. См. *Невзоровъ*. О самоубійствѣ стр 85—86.

Такое же воспитательное значеніе имѣеть семейная жизнь. Бракъ, гдѣ признается его святость, учить человѣка находить счастье въ условіяхъ своей обстановки. Когда ослабѣваетъ первоначальный пылъ страсти, а вмѣстѣ съ этимъ слѣзаетъ и позолота, супруги открываютъ другъ въ другѣ много мелкихъ слабостей, съ которыми надо примиряться ради существенныхъ достоинствъ. Потомъ появляется семья. Ради нея нужно отказаться отъ спокойствія и ограничить себя матеріально. Гонкуръ говоритъ въ своемъ дневникѣ, — „нынче большая часть развитыхъ дѣвушекъ смотритъ на замужество, какъ на опытъ, на опытъ, имѣющій мало шансовъ прочности. Эти дѣвицы не стѣняются высказывать, что сначала онѣ мало знаютъ мужчинъ, и что этотъ первый бракъ не болѣе, какъ изученіе, практическое изученіе мужчины въ лицѣ мужа, изученіе, дающее имъ возможность сдѣлать обдуманнѣйшій выборъ во второй разъ, для второго брака“ ¹⁾). Тамъ, гдѣ смотрятъ на бракъ подобнымъ образомъ, семья не можетъ имѣть воспитательнаго значенія, и статистика, этотъ термометръ жизни обществъ, тотчасъ это отмѣчаетъ. Цифры показываютъ, что между количествомъ разводовъ въ странѣ и количествомъ самоубійствъ существуетъ прямое соотвѣтствіе: чѣмъ больше разводовъ, тѣмъ больше самоубійствъ. Разводы очень рѣдки въ Россіи, Финляндіи, Италіи. На миллионъ жителей приходится въ этихъ странахъ 30 самоубійствъ. Въ Саксоніи, Даніи и Швейцаріи разводы очень часты. На миллионъ жителей здѣсь приходится отъ 216 до 299 самоубійствъ ²⁾). Ближайшимъ образомъ убиваютъ себя состоящіе въ разводѣ. Но вотъ что замѣчательно: въ странахъ, гдѣ разводы часты и легки, и среди супруговъ замѣчается повышеніе склонности къ самоубійству. Понятно почему. Если въ обществѣ большая смертность, значитъ среди него распространено много болѣзней. Если много разводовъ, значитъ узы брака ослаблены, и онъ готовъ распасться по самому незначительному поводу. Значитъ онъ не можетъ воспитывать самообладаніе ³⁾).

1) Сѣверный Вѣстникъ. 1897 г. Декабрь.

2) *E. Durkheim*. Op. cit. p. 289.

3) *Ibid.* p. 295—296.

Говоря о воспитательныхъ мѣрахъ противъ самоубійства, мы постоянно отмѣчали благоговорныя вліянія, исходящія отъ семьи и церкви. Семья и церковь—вотъ два главнѣйшихъ воспитательныхъ учрежденія. Остается только подтвердить этотъ выводъ статистическими данными. У одинокихъ въ возрастѣ отъ 20 лѣтъ и выше наклонность къ самоубійству въ 2, 3 и даже 4 раза сильнѣе, чѣмъ среди семейныхъ ¹⁾. Далѣе статистика показываетъ, что бездѣтный бракъ мало предохраняетъ отъ самоубійства. Напротивъ, чѣмъ многочисленнѣе семья, тѣмъ благотворнѣе дѣйствуетъ она въ этомъ отношеніи ²⁾.

Еще очевиднѣе вліяніе на уменьшеніе самоубійствъ католической и православной церкви. Въ странахъ католическихъ и православныхъ самоубійства гораздо рѣже, чѣмъ въ странахъ протестантскихъ. Въ среднемъ на миллионъ жителей въ странахъ протестантскихъ приходится 190 самоубійствъ, въ странахъ католическихъ только 50, а въ православныхъ всего 40 ³⁾. Что въ данномъ случаѣ вліяніе оказываетъ именно религія, а не побочныя причины, доказываетъ Швейцарія. Возьмемъ только ея французскіе кантоны и исключимъ такимъ образомъ вліяніе расы. Вліяніе цивилизаціи тоже исключено, потому что и протестанты и католики живутъ здѣсь въ однихъ и тѣхъ же культурныхъ условіяхъ. Остается только вліяніе исповѣданія, и вотъ краснорѣчивыя цифры. На миллионъ католиковъ приходится 83 самоубійства, на миллионъ протестантовъ 453 ⁴⁾.

Мы уже сказали о томъ, чѣмъ и какъ вліяетъ бракъ и церковь на уменьшеніе самоубійствъ. Въ заключеніе настоящаго чтенія, укажемъ еще одинъ факторъ этого вліянія. Что общаго можно указать между двумя этими учрежденіями—семьей и церковью?

Общее заключается въ томъ, что и семья и церковь представляютъ собою сплеченное общество, каждый членъ котораго живетъ не своею одинокою и бѣдною жизнію, а интересами и чувствами цѣлаго. Когда люди собираются

1) Ibid. p. 182—183.

2) Бездѣтный бракъ даетъ 865 самоубійствъ, при наличности семьи цифра падаетъ до 415. (Ibid p. 207).

3) Ibid. p. 149.

4) Ibid. p. 159.

въ одну общественную единицу, они подчиняются взаимному вліянію и начинаютъ жить общими убѣжденіями и чувствами. Но общее настроеніе человѣчества скорѣе бодрое и радостное, чѣмъ угнетенное и скорбное. Тамъ, гдѣ личность живетъ въ тѣсной связи съ обществомъ, она не можетъ слишкомъ поддаваться неестественнымъ чувствамъ угнетенія въ силу вліянія на нее здоровой окружающей среды. Отсюда понятно, почему такъ мало предохраняетъ отъ самоубійства протестантство. Провозгласивъ безусловную свободу личности въ изслѣдованіи истинъ вѣры, оно внесло въ религію принципъ разложенія. Его исторія—олицетвореніе сомнѣнія и раздора. Оно раздѣлилось на множество сектъ и до сихъ поръ продолжаетъ дѣлиться. Такова же судьба нашихъ старообрядцевъ. Отдѣлившись отъ дерева церкви и разъ поколебавши авторитетъ ея соборнаго голоса, расколъ распался на сотни толковъ, взаимно проклинающихъ другъ друга. Отсюда мрачный пессимизмъ, проявляющійся въ массовыхъ самоубійствахъ. Безпоповцы сожигались сотнями и тысячами. Одно изъ такихъ самоубійствъ произошло на нашихъ глазахъ. У всѣхъ въ памяти потрясающая исторія Тираснольскаго дѣла ¹⁾.

Итакъ, человѣкъ живетъ постольку, поскольку сознаетъ себя членомъ какого нибудь цѣлаго—семьи, церкви,—основаніемъ котораго служить любовь. Человѣкъ живетъ постольку, поскольку онъ любитъ!

И. Поповъ.

---

¹⁾ Проф. Сикорскій, коснувшійся недавно этого вопроса по поводу печальнаго происшествія въ Терновскихъ хуторахъ и затронувшій его съ психологической и психіатрической точки зрѣнія, обращаетъ вниманіе изслѣдователей на то, что „въ грамотахъ самоистребителей содержится обыкновенно общее печалованіе и общее недовольство всѣмъ безъ указанія на какія нибудь конкретныя обстоятельства или частныя событія, вызвавшія угнетенное настроеніе и самоубійство“. Отсюда онъ приходитъ къ выводу что истинной причиной самоистребленія раскольниковъ служитъ „болѣзненное настроеніе „давній, готовый пессимизмъ и мало мотивированная міровая скорбь, вліянія же событія являются только поводомъ къ самоубійству“. А такое настроеніе обусловлено „мучительнымъ религіознымъ отщепеніемъ и отдѣленіемъ отъ великаго народнаго организма, съ которымъ раскольники соединены языкомъ, бытомъ, обычаями и въ то же время рѣзко разграничены въ церковномъ отношеніи“. (Проф. *И. А. Сикорскій*. Эпидемическія вольныя смерти и смертоубійства въ Терновскихъ хуторахъ. Вопросы нервно-психической медицины Вып. 3. стр. 503—511).